

РЕСУРСЫ

Деятельностно-ценностные задачи

Иван Грозный — созидатель или разрушитель?

Автор: Бирбичадзе Маринэ Юрьевна — учитель Центра образования № 429 «Соколиная гора» г. Москвы.

Метапредметная область или предмет: Общество (история)

Класс: 10

Тема: Формирование абсолютизма в Русском государстве

Профиль: Гуманитарный.

Уровень: Минимальный.

Текст задачи: Чего больше в деятельности Ивана Грозного — созидания или разрушения, мудрости или скудости, величия или гнусности, державности или своекорыстия?

- а) *Выделите ключевые слова для информационного поиска.*
- б) *Найдите необходимую информацию.*
- в) *Обсудите и проанализируйте собранную информацию.*
- г) *Сделайте выводы.*
- д) *Сравните ваши выводы с культурными образцами.*

Возможные информационные источники

Книги:

Кобрин В.Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? История отечества: люди, идеи, решения. Очерки России IX — начала XX в. М., 1991. С. 150–162.

Web-сайты:

<http://www.portal-slovo.ru>

Культурные образцы

Илья Воскресенский. Правда об Иване Грозном.

Правда об Иване Грозном

Наверно, такова уж наша судьба: из одной крайности бросаться в иную. В советское время была выстроена своя логическая схема истории. Со своей долей идеологии, с обязательными в таких случаях мифами и стереотипами, со своим набором аргументов в их защиту. Увы, но некоторые идеологические мифы распространялись не только на советский и непосредственно предшествующий ему периоды, что было с точки зрения логики объяснимо, но и на период достаточно удалённой от революции русской истории, зачастую озвучивая в её отношении явно русофобскую точку зрения. В этом сказывалось влияние советской исторической науки 20-х — нач. 30-х годов, которая, в свою очередь, опиралась на воззрения дореволюционных либеральных и прозападных историков, чьим научным кредо была фраза, что до Петра Первого в России ничего хорошего не могло быть по определению.

Сейчас, когда идеологический пресс значительно ослаб, многие историки, и не только они, кинулись ниспровергать, разоблачать и интерпретировать разные исторические события. Но и в этом опять перегнули палку, бросились «отмывать» те факты нашей истории, которые на наше историческое мировоззрение, на отношение к самим себе мало влияют, а вот укоренившиеся и в отечественной, и в зарубежной истории русо-

фобские стереотипы особой критике не подвергались. Например, довелось мне посмотреть западный документальный фильм об Иване Грозном. Главным лейтмотивом в нём звучало то, что Грозный — самый жестокий правитель в истории чуть ли не всего человечества, и править такой человек мог только в России. Поэтому ДКР начинает публиковать статьи, посвящённые развенчанию наиболее значимых русофобских мифов. И начнём мы с того же Ивана Грозного.

Безусловное большинство историков, публицистов, писателей и т.д. рассматривает его как заведомо «беспрецедентного», в сущности, патологического тирана, деспота, палача. Нелепо было бы оспаривать, что Иван IV был жёстким правителем. Историк Скрынников, посвятивший несколько десятилетий изучению его эпохи, доказывает, что при Иване IV Грозном в России осуществлялся «массовый террор», в ходе которого было уничтожено около 3–4 тыс. человек. Но зададимся вопросом: сколько людей отправили на тот свет западноевропейские современники Ивана Грозного: испанские короли Карл V и Филипп II, король Англии Генрих VIII и французский король Карл IX? Оказывается, они самым жестоким образом казнили сотни тысяч людей. Так, например, именно во время синхронное правлению Ивана Грозного — с 1547 по 1584-й, в одних только Нидерландах, находившихся под властью Карла V и Филиппа II, «число жертв... доходило до 100 тыс.». Из них было «сожжено живьём 28 540 человек».

Французский король Карл IX 23 августа 1572 года принял актив-

ное «личное» участие в так называемой Варфоломеевской ночи, во время которой было зверски убито «более 3 тыс. гугенотов» только за то, что они принадлежали к протестантству, а не к католицизму; таким образом, за одну ночь было уничтожено примерно столько же людей, сколько за всё время террора Ивана Грозного! «Ночь» имела продолжение, и «в общем во Франции погибло тогда в течение двух недель около 30 тыс. протестантов».

В Англии Генриха VIII только за «бродяжничество» вдоль больших дорог «было повешено 72 тысячи бродяг и нищих». В Германии, при подавлении крестьянского восстания 1525 г., казнили более 100 тыс. человек.

И всё же, как это ни странно и даже поразительно, и в русском, и в равной мере западном сознании Иван Грозный предстаёт, как ни с кем не сравнимый, уникальный тиран и палач. Нечто подобное происходит и с другими примерами ивановой жестокости, которые необходимо рассмотреть без привычной предвзятости и опираясь на документальные свидетельства и просто логику.

Миф 1. Беспричинный террор

Наверно, это самый главный аргумент против Ивана. Мол, исключительно ради забавы резал грозный царь ни в чём не повинных бояр. Хотя периодическое возникновение широко разветвлённых заговоров в боярской среде не отрицает ни один уважающий себя историк, хотя бы потому, что заговоры — обычное дело при любом царском дворе. Мемуары той эпохи так и пестрят рас-

сказами о бесчисленных интригах и изменах.

Факты и документы — вещь упрямая, а они свидетельствуют, что против Грозного были составлены несколько следовавших один за другим опасных заговоров, объединявших многочисленных участников из царского окружения. Так, в 1566–1567 годах царём были перехвачены письма от польского короля и от литовского гетмана к многим знатным подданным Иоанна. Среди них был и бывший конюший Челяднин-Фёдоров, чей чин делал его фактическим руководителем Боярской Думы и давал ему право решающего голоса при выборах нового государя.

Вместе с ним письма из Польши получили князь Иван Куракин-Булгачов, три князя Ростовских, князь Бельский и некоторые другие бояре. Из них один Бельский не вступил с Сигизмундом в самостоятельную переписку и передал Иоанну письмо, в котором польский король предлагал князю обширные земли в Литве за измену русскому государю. Остальные адресаты Сигизмунда продолжили письменные сношения с Польшей и составили заговор, ставящий своей целью посадить на русский престол князя Владимира Старичьего.

Осенью 1567 года, когда Иоанн возглавил поход против Литвы, к нему в руки попали новые свидетельства измены. Царю пришлось срочно вернуться в Москву не только для следствия по этому делу, но и для спасения собственной жизни: заговорщики предполагали с верными им воинскими отрядами окружить ставку царя, перебить опричную охрану и выдать Грозного полякам.

Во главе мятежников встал Челюднин-Фёдоров. Сохранился отчёт об этом заговоре политического агента польской короны Шлихтинга, в котором он сообщает Сигизмунду: «Много знатных лиц, приблизительно 30 человек... письменно обязались, что предали бы великого князя вместе с его опричниками в руки Вашего Королевского Величества, если бы только Ваше Королевское Величество двинулись на страну».

Состоялся суд Боярской Думы. Улики были неопровержимы: договор изменников с их подписями находился в руках у Иоанна. И бояре, и князь Владимир Старицкий, постаравшийся отмежеваться от заговора, признали мятежников виновными. Историки, основываясь на записках германского шпиона Штадена, сообщают о казни Челюднина-Фёдорова, Ивана Куракина-Булгачова и князей Ростовских. Их всех якобы жестоко пытали и казнили. Но достоверно известно, что князь Иван Куракин, второй по важности участник заговора, остался жив и, более того, спустя 10 лет занимал пост воеводы города Вендена. Осаждённый поляками, он пьянствовал, забросив командование гарнизоном. Город был потерян для России, а князь-пьяница был за это казнён. Вроде не скажешь, что наказали ни за что. И с многими казнёнными боярами случилась подобная волокита, не говоря уже о том, что нескольких бояр, наподобие братьев Воротынских, умертвили исключительно историки, а не Грозный. Исследователи-историки немало веселились, находя документы о жизни многих бояр, как ни в чём не бывало продолжавшейся и после того, как им будто бы отрубили голову или посадили на кол.

Миф 2. Разгром Новгорода

В 1563 году Иоанн узнаёт от служившего в Старице дьяка Савлука о «великих изменных делах» своего кузена князя Владимира Старицкого и его матери, княгини Ефросинии. Царь начал следствие и вскоре после этого в Литву бежал Андрей Курбский, близкий друг Старицкого семейства и активный участник всех его интриг. В то же время умирает родной брат Иоанна, Юрий Васильевич. Это приближает Владимира Старицкого вплотную к трону. Грозный вынужден принять ряд мер для обеспечения собственной безопасности. Царь заменяет всех ближних людей Владимира Андреевича на своих доверенных лиц, обменивает его удел на другой и лишает двоюродного брата права жить в Кремле. Иоанн составляет новое завещание, по которому Владимир Андреевич хотя и остаётся в опекуновом совете, но уже рядовым членом, а не председателем, как раньше. Все эти меры нельзя назвать даже суровыми, они были просто адекватной реакцией на опасность.

Уже в 1566 г. отходчивый царь прощает брата и жалует его новыми владениями и местом в Кремле для постройки дворца. Когда в 1567 г. Владимир вместе с Боярской Думой вынес обвинительный приговор Челюднину Фёдорову и остальным своим тайным сообщникам, доверие к нему Иоанна возросло ещё больше. Однако в конце лета того же года близкий Старицкому двору новгородский помещик Петр Иванович Волынский сообщает царю о новом заговоре такого масштаба, что Иоанн в страхе обратился к Елизавете Анг-

лийской с просьбой о предоставлении ему, в крайнем случае, убежища на берегах Темзы.

Суть заговора, вкратце, такова: подкупленный Старицким князем царский повар отравляет Иоанна ядом, а сам князь Владимир, возвращаясь в это время из похода, ведёт за собой значительные воинские силы. С их помощью он уничтожает опричные отряды, свергает малолетнего наследника и захватывает престол. В этом ему помогают заговорщики в Москве, в том числе и из высших опричных кругов, боярская верхушка Новгорода и польский король. После победы участники заговора планировали поделить Россию следующим образом: князь Владимир получал трон, Польша — Псков и Новгород, а новгородская знать — вольности польских магнатов. Было установлено участие в заговоре близких к царю московских бояр и чиновников: Вяземского, Басмановых, Фуникова и дьяка Висковатого.

В конце сентября 1569 года царь вызвал к себе Владимира Старицкого, после чего князь уходит с царского приёма и умирает на другой день. Заговор был обезглавлен, но ещё не уничтожен. Во главе заговора стал новгородский архиепископ Пимен. Иоанн двинулся к Новгороду. Наверное, никакое другое событие того времени не вызвало такого количества гневных выпадов против царя, как так называемый новгородский погром.

Известно, что 2 января 1570 года передовой отряд опричников выставил заставы вокруг Новгорода, а 6 или 8 января в город вошли царь и его личная охрана. Передовой отряд арестовал знатных граждан, чьи

подписи стояли под договором с Сигизмундом, и некоторых монахов, виновных в ереси жидовствующих, которая служила идеологической подпиткой сепаратизма новгородской верхушки. После прибытия государя состоялся суд. Сколько было приговорённых к смерти изменников? Историк Скрынников на основании изученных документов и личных записей царя выводит цифру в 1505 человек.

Примерно столько же, полторы тысячи имён насчитывает список, посланный Иоанном для молитвенного поминовения в Кирилло-Белозерский монастырь. Много это или мало для искоренения сепаратизма на трети территории страны? Не понимая того времени и не зная всех сопутствующих обстоятельств, на этот вопрос можно дать только какой-нибудь праздный ответ, ничего не объясняющий по существу.

Но, может, всё же правы те, кто сообщает о десятках тысяч «жертв царской тирании»? Ведь дыма без огня не бывает? Не зря же пишут о 5000 разорённых дворов из 6000 имевшихся в Новгороде, о 10000 трупов, поднятых в августе 1570 года из братской могилы близ Рождественского храма? О запустении Новгородских земель к концу XVI века? Все эти факты объяснимы и без дополнительных натяжек. В 1569–1571 гг. на Россию обрушилась чума. Особенно пострадали западные и северо-западные районы, в том числе и Новгород. От заразы погибли около 300000 жителей России. В самой Москве в 1569 г. умирало по 600 человек в день — столько же, сколько якобы ежедневно казнил в Новгороде Грозный. Жертвы чумы и легли в основу мифа о «новгородском погроме».

Миф 3. «Сыноубийца»

Есть одна «жертва» Иоанна, о которой наслышаны все от мала до велика. Подробности убийства Иваном Грозным своего сына растриажированы в тысячах экземпляров художниками и писателями. Отцом мифа о «сыноубийстве» был высокопоставленный иезуит, папский легат Антоний Поссевин. Ему принадлежит и авторство политической интриги, в результате которой католический Рим надеялся с помощью польско-литовско-шведской интервенции поставить Россию на колени и, воспользовавшись её тяжёлым положением, вынудить Иоанна подчинить Русскую православную церковь папскому престолу. Однако царь повёл свою дипломатическую игру и сумел использовать Поссевина при заключении мира с Польшей, избежав при этом уступок в религиозном споре с Римом.

Хотя историки и представляют Ям-Запольский мирный договор как серьёзное поражение России, надо сказать, что стараниями папского легата фактически Польша получила обратно только свой же собственный город Полоцк, отнятый Грозным у Сигизмунда в 1563 году. После заключения мира Иоанн даже отказался обсуждать с Поссевиным вопрос об объединении церквей — он ведь и не обещал этого. Провал католической авантюры сделал Поссевина личным врагом Иоанна. К тому же иезуит прибыл в Москву через несколько месяцев после смерти царевича и не мог быть свидетелем происшествия.

Что касается истинных причин события, то смерть наследника престола вызвала недоуменную разно-

голосицу у современников и споры у историков. Версий смерти царевича было достаточно, но в каждой из них основным доказательством служили слова «быть может», «скорее всего», «вероятно» и «будто бы». Но традиционная версия гласит так: однажды царь зашёл в покои сына и увидел его беременную жену одетой не по уставу: было жарко, и она вместо трёх рубах надела только одну. Царь стал бить невестку, а сын — её защищать. Тогда Грозный и нанёс сыну смертельный удар по голове.

Но и в этой версии можно увидеть ряд несоответствий. «Свидетели» путаются. Одни говорят, что царевна надела лишь одно платье из трёх полагающихся из-за жары. Это в ноябре-то? Тем более что женщина в то время имела полное право находиться у себя в покоях только в одной сорочке, служившей домашним платьем. Другой автор указывает на отсутствие пояса, что якобы и привело в бешенство Иоанна, случайно встретившего невестку во «внутренних покоях дворца». Эта версия совершенно недостоверна хотя бы потому, что царю было бы очень сложно встретить царевну «одетой не по уставу», да ещё во внутренних покоях. А по остальным дворцовым палатам даже полностью одетые дамы тогдашнего московского высшего света не расхаживали свободно. Для каждого члена царской семьи строились отдельные хоромы, соединённые с другими частями дворца довольно прохладными в зимнее время переходами. В таком отдельном тереме и проживала семья царевича.

Распорядок жизни царевны Елены был таким же, как и у других знатных дам того века: после утреннего

богослужения она отправлялась в свои покои и садилась за рукоделие со своими прислужницами. Знатные женщины жили взаперти. Проводя дни в своих светёлках, они не смели показаться на людях и, даже сделавшись жёнами, не могли никуда выйти без позволения мужа, в том числе и в церковь, а за каждым их шагом следили неотступные слуги-стражи. Помещение знатной женщины находилось в глубине дома, куда вёл особый вход, ключ от которого всегда лежал у мужа в кармане. На женскую половину терема не мог проникнуть никакой мужчина, хотя бы он был самым близким родственником.

Таким образом, царица Елена находилась на женской половине отдельного терема, вход в которую всегда заперт, а ключ находится у мужа в кармане. Выйти оттуда она может только с разрешения супруга и в сопровождении многочисленных слуг и служанок, которые наверняка позаботились бы о приличной одежде. К тому же, Елена была беременна и едва ли её оставили бы без присмотра. Выходит, что единственной возможностью для царя встретить невестку в полуодетом виде было выломать запертую дверь в девичью и разогнать боярышень и сенных девушек. Но такого факта история в полной приключениями жизни Иоанна не зафиксировала.

Но если не было убийства, то от чего умер царевич? Царевич Иван умер от болезни, чему сохранились некоторые документальные подтверждения. Жак Маржерет писал: «Ходит слух, что старшего (сына) он (царь) убил своей собственной рукой, что произошло иначе, так как, хотя он и ударил его концом жезла...

и он был ранен ударом, но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье». На примере этой фразы мы можем видеть, как ложная версия, популярная среди иностранцев с «лёгкой» руки Поссевина, переплетается с правдой о смерти царевича от болезни во время поездки на богомолье. К тому же, продолжительность болезни составляла 10 дней, с 9 по 19 ноября 1581 года. Но что это была за болезнь?

В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты четыре гробницы: Иоанна Грозного, царевича Ивана, царя Фёдора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского. При исследовании останков была проверена версия об отравлении Грозного. Учёные обнаружили, что содержание мышьяка, наиболее популярного во все времена яда, примерно одинаково во всех четырёх скелетах и не превышает нормы. Но в костях царя Иоанна и царевича Ивана Ивановича было обнаружено наличие ртути, намного превышающее допустимую норму. Насколько случайно такое совпадение?

К сожалению, о болезни царевича известно только то, что она длилась 10 дней. Место смерти наследника — Александрова слобода, расположенная к северу от Москвы. Можно предположить, что, почувствовав себя плохо, царевич выехал в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы там принять перед смертью монашеский постриг. Понятно, что если он решил отправиться в такой далёкий путь, то не лежал без сознания с травмой черепа. В противном случае царевича постригли бы на месте. Но в дороге наступило ухудше-

ние состояния больного и, доехав до Александровской слободы, наследник окончательно слёг и вскоре скончался от «горячки».

Миф 4. «Иван-многожёнec»

Практически все историки и литераторы, писавшие о Грозном, не могут обойти стороной тему его супружеской жизни. И тут на сцену выступают пресловутые семь жён Ивана Грозного, созданные большим воображением западных мемуаристов, начитавшихся сказок о Синей Бороде, а также помнивших о реальных, трагически заканчивавшихся судьбах нескольких жён английского короля Генриха VIII. Иеремия Горсей, много лет проживший в России, не постеснялся записать в царские жёны «Наталью Булгакову, дочь князя Фёдора Булгакова, главного воеводы, человека, пользовавшегося большим доверием и опытного на войне... вскоре этот вельможа был обезглавлен, а дочь его через год пострижена в монахини». Однако такой дамы вообще в природе не существовало.

Это же самое можно повторить и по отношению к некоторым другим «жёнам» Иоанна. В своём «Путешествии по святым местам русским» А.Н. Муравьёв указывает точное число Иоанновых жён. Описывая Вознесенский монастырь — место последнего упокоения Великих княгинь и русских цариц, он говорит: «Рядом с матерью Грозного четыре его супруги...». Конечно, четыре супруги — это тоже немало. Но, во-первых, не семеро. А, во-вторых, третья супруга царя, Марфа Собакина, тяжело заболела ещё невестой и умерла через неделю после венца, так и не став

царской женой. Для установления этого факта была созвана специальная комиссия, и на основании её выводов царь получил впоследствии разрешение на четвёртый брак. По православному обычаю разрешалось жениться не более трёх раз.

Кобрин Б.В. Иван Грозный: избранная рада или опричнина?

В.Б. Кобрин (1930–1990 гг.) — советский историк, крупный специалист по истории средневековой России. В 1982 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV–XVI вв.» Четверть века вёл преподавательскую работу в ведущих московских вузах, где прошёл путь от ассистента до профессора.

Традиции деспотизма реально существовали в политической практике тогдашней России. Впрочем, вероятно, иначе опричнины бы и не было: не может победить альтернатива, не имеющая корней в историческом прошлом страны. Вопрос состоит в другом: была ли опричнине альтернатива? Существовала ли проблема выбора пути централизации? А следовательно: только ли эти, деспотические традиции получил в наследство от своих предков Иван IV? Думается, нет. Дело не только в том, что деспотическая жестокость и Ивана III, и Василия III могут показаться мягким и либеральным правлением по сравнению с массовыми казнями и садизмом Ивана Грозного.

Важнее другое: ни к деспотизму, ни даже к насилию (хотя оно применялось часто) не сведёшь методы управления Ивана III и Василия III. Они

умело привлекали на свою сторону и бывших независимых князей, и их вассалов, давая им то щедрые посулы, то реальные привилегии. Отец и дед грозного царя использовали реальную заинтересованность всего господствующего класса в централизации. Элементы же деспотизма в их деятельности были вызваны особым характером форсированной централизации, опиравшейся не на прочные предпосылки, а на едва наметившиеся тенденции развития.

Подобная альтернатива — самодержавная монархия «с человеческим лицом» — даже начала осуществляться в годы правления Избранной рады.

Под таким названием в историю, с лёгкой руки Курбского, вошло правительство, возглавлявшееся Адашевым и Сильвестром. За десять лет своего пребывания у власти Избранная рада провела столько реформ, сколько не знало никакое другое десятилетие в истории средневековой России. Правда, предпосылки реформаторской деятельности складывались ещё до выхода Адашева и Сильвестра на историческую сцену. Так, в малолетство Ивана IV, при правлении его матери Елены Глинской начали постепенно проводить в жизнь реформы местного управления (о них — несколько позже, ибо завершились эти преобразования уже при Избранной раде).

В 1547 г. семнадцатилетний Иван IV впервые официально принял титул царя, считавшийся равным императорскому. Новый титул не только резко подчёркивал суверенность русского монарха во внешних сношениях, особенно с ордынскими ханствами (ведь ханов на Руси называли

царями), но и чётче, чем прежде, отделял государя от его подданных: не только эпитетом «великий» отличался он теперь от находившихся у него на службе князей — нельзя уже было заподозрить в нём первого среди равных. Царский титул закрепил превращение князей-вассалов в подданных. Однако торжественная коронация всё же лишь создавала важную предпосылку для движения по пути централизации, а не вела к ней. Реформы ускорила сложившаяся в стране в конце 40-х годов обстановка.

В годы малолетства Ивана IV шла острая борьба за власть между боярскими группировками. Эти междоусобия дезорганизовали правительственный аппарат, и без того ещё слабый. Ничто не сдерживало произвол наместников; современник писал, что они были в те годы «сверепы аки львовые». Конец 40-х годов знаменовался взрывами народного недовольства. Летом 1546 г. новгородские «пищальники» (стрельцы) обратились к великому князю с жалобами на боярские притеснения. Получив отказ защитить их, они вступили в бой с дворянами. В начале июня 1547 г. с жалобой на злоупотребления наместника к Ивану IV обратилась делегация псковичей, с которой семнадцатилетний царь жестоко расправился.

Наконец, в конце того же месяца разразилось мощное восстание в Москве. Поводом к нему был страшный пожар 21 июня, уничтоживший практически весь город. Ненависть к боярам, стоявшим у власти, была столь велика, что москвичи обвинили их — царских родственников, князей Глинских — в поджоге. Дядя Ивана IV, князь Юрий Глинский, был убит толпой, целое посадское войско, воору-

жённые метательными копьями — сулицами и щитами — во главе с городским палачом (он, видимо, должен был на месте казнить Глинских) отправилось в подмосковное село Воробьёво, где царь нашёл убежище от пожара.

С трудом царю удалось уговорить восставших разойтись, убедив их, что Глинских в Воробьёве нет. В те же годы двум тысячам воинов пришлось отправиться в Опочку (в Псковской земле), чтобы подавить восстание против сборщиков податей. В сёлах же «ратаи» (пахари, крестьяне), по словам священника Ермолая Еразма, «всегда в волнениях скорбных пребывающа, еже не единого ярма тяготу всегда носяще».

Именно народные движения поставили правящие круги страны перед необходимостью действовать. В такой обстановке и пришли к власти Сильвестр и Адашев. Одним из первых мероприятий было создание центральных органов государственного управления — приказов (до середины 60-х годов их называли «избами»). Два ранее существовавших общегосударственных ведомства — Государев Дворец и Государева Казна — обладали нерасчленёнными функциями, занимаясь часто одними и теми же делами. Специализация государственных чиновников — дьяков и подьячих — имела личностный характер: тот или иной дьяк просто чаще получал поручения определённого рода.

Одним из первых приказов была Челобитная изба, которую возглавил Адашев. Задачей этого учреждения было принимать челобитные на имя государя и проводить по ним расследование. Тем самым Челобитная из-

ба становилась как бы высшим контрольным органом. Руководство этим приказом давало в руки Адашеву огромную власть. Говорили, что боярин, который затягивает рассмотрение челобитной, «не пробудет без кручины от государя», а если на кого разгневаются Адашев, «то бысть в тюрьме или сослану».

Главой Посольского приказа — ведомства иностранных дел — стал дьяк Иван Михайлович Висковатый, который около двадцати лет руководил русской внешней политикой, пока не был казнён в годы опричнины по вздорному обвинению. Поместный приказ занимался распределением поместий и вотчин между служилыми людьми. Разрядный приказ стал своего рода штабом вооружённых сил: определял, сколько и из каких уездов служилых людей должно выйти в полки, назначал командный состав. Разбойный приказ вёл борьбу против «разбоев» и «лихих людей». Земский приказ ведал порядком в Москве. В 1550 г. царь вместе с Боярской думой «уложил» новый судебник — свод законов. Старый, принятый ещё в 1497 г. при Иване III, не только уже устарел, но был, видимо, и забыт. Судебник 1550 г. был гораздо лучше систематизирован, чем его предшественник, учитывал судебную практику: исходя из неё, были отредактированы многие статьи. В 1550 г. были впервые установлены наказания для взяточников — от подьячих до бояр.

Существенные реформы были проведены в жизни церкви. В период феодальной раздроблённости в каждом княжестве существовали свои, «местночтимые», святые. В 1549 г. церковный собор провёл канонизацию «новых чудотворцев»: местные

святые превратились в общерусских, созданся единый для всей страны пантеон. В 1551 г. состоялся новый церковный собор. Книга его решений содержит сто глав, почему и сам собор обычно называют Стоглавым. Его задачами были — унификация церковных обрядов (в разных землях постепенно накопились мелкие различия в порядке церковной службы) и, главное, принятие мер по улучшению нравов духовенства, чтобы повысить его авторитет.

Собор резко осудил произвол настоятелей, расточающих при помощи своих родственников монастырские богатства, разврат в монастырях, пьянство духовенства. Выступая в принципе против «пьянственного питания», отцы собора оставались реалистами: они писали, что монахам разрешено пить вино умеренно, «во славу божию» — по одной, две, три чаши. Однако после третьей чаши монахи обычно забывают о мере «сих чаш» и пьют «до пьянства».

Собор категорически запретил держать в монастырях водку («горячее вино»), но дозволил «фряжские» (виноградные) вина: дело, видимо, не только в значительно меньшей крепости этих напитков, но и в их дороговизне (импортный товар), не дававшей возможности употреблять их неумеренно. Протопопы должны были наблюдать, чтобы рядовые священники «не билися и не лаялися и не сквернословили, и пьяни бы в церковь и во святой алтарь не входили и до кровопролития не билися».

Реформы коснулись и организации господствующего класса. Было несколько ограничено местничество. Этот обычай, возникший на рубеже XV–XVI вв. и просуществовавший до

его отмены в 1682 г., состоял в том, что при назначении служилых людей на те или иные должности учитывалась прежде всего их «порода» — происхождение, а не личные заслуги. Основой местнического «счёта» была не абстрактная знатность, а прецеденты, «случаи».

Потомки должны были находиться друг с другом в тех же служебных отношениях — начальствования, равенства, подчинения, — что и предки. Если дед одного дворянина был первым воеводой, а дед другого — вторым при нём, то на любой другой совместной службе, хотя бы на обеде в царских палатах, их внуки должны были сохранять то же соотношение: внук первого воеводы выше, второго — ниже.

При местнических счётах часто выстраивали длинную цепочку «случаев»: мой дядя был выше такого-то, а тот был выше другого, а этот — выше отца моего сослуживца, а потому мне «невместно» быть ниже его или равным с ним. Пропустить «невместное» назначение было опасно: другие роды получали в свои руки мощное оружие и против получившего это назначение, и против его родни, и против его потомства.

У местничества, с точки зрения правительства, были и явные плюсы. Дело, видимо, не в том, что оно, как часто полагают, лишало боярство единства и позволяло государю разделять и властвовать. Важнее, что, основанное на прецедентах, оно тем самым обеспечивало первенство тем боярским родам, которые раньше перешли на службу московским государям и были связаны с ними традициями верности. Недаром благодаря «случаям» отпрыск старого нетитуло-

ванного московского рода часто оказывался выше князя-рюриковича. И хотя, одновременно, местничество сдерживало произвол в назначениях, в военной обстановке оно создавало ненужные помехи. Недаром царь Иван жаловался, вспоминая казанский поход: «С кем кого ни пошлют на которое дело, ино всякой розместничается на всякой посылке и на всяком деле, и в том у нас везде бывает дело некрепко».

Указ 1550 г. ввёл два ограничения местничества. Первое касалось молодых аристократов. Их, естественно, нельзя было в 15–18 лет (с 15-ти лет начинали службу) назначать воеводами, а дать низкое назначение тоже было невозможно: «поруха» чести. Было решено, что служба молодых людей на невысоких должностях не считается прецедентом. Теперь знатные юноши могли спокойно проходить своего рода стажировку в войсках, прежде чем стать «стратилатами». Кроме того, был сужен круг лиц, считавшихся на совместной службе: тем самым сразу уменьшалось число местнических счётов.

В 1555–1556 гг. было подготовлено и принято Уложение о службе. Издавна все феодалы-землевладельцы были обязаны нести воинскую службу. В этом отношении не было различий между вотчинниками и помещиками. Однако сама эта служба не была регламентирована. Уложение установило точный порядок. Было определено, с какого количества земли должен выходить вооружённый воин на коне. Если вотчины или поместья феодала были большими, то он был обязан вывести с собой вооружённых холопов. Приводившие больше, чем положе-

но, людей получали денежную компенсацию — «помогу», недовыполнившие норму платили штраф.

Деньги на «помогу» надо было изыскать: при слабом развитии товарно-денежных отношений наличных монет часто не хватало и у весьма богатых людей. Хронический дефицит денег был характерен и для государственной казны. Дополнительные ресурсы рассчитывали получить благодаря проводившейся одновременно реформе местного управления.

Власть на местах издавна принадлежала наместникам (в уездах) и волостелям (в их подразделениях — волостях и станах). Они получали эти территории в «кормление». В пользу кормленщика шли судебные пошлины и определённая «доходным списком» часть налогов. Кормления были не столько системой администрации и суда, сколько системой вознаграждения феодалов за службу: должности наместников и волостелей на определённый срок они получали в воздаяние за участие в военных действиях.

Именно поэтому система кормления не была эффективной: наместники и волостели знали, что они уже «отработали» свои доходы на ратном поле, а потому небрежно относились к своим судебно-административным обязанностям, часто передоверяли их своим «холопам», заботясь лишь о получении положенного «корма» и судебных пошлин. Теперь кормления отменялись, деньги, которые прежде шли кормленщикам, отныне взимало государство в качестве налога — «кормленичьего окупа». Из этого централизованного фонда можно было платить «помогу» служилым людям.

Вместе с тем централизация ещё только начиналась. В распоряжении государства не было ещё ни кадров администраторов, ни денег, чтобы платить жалование за гражданскую службу. Поэтому отправление власти на местах было возложено на выборных представителей населения, причём, так сказать, «на общественных началах» — бесплатно. Дворяне выбирали из своей среды губных старост, в уездах же, где не было частного феодального землевладения, и на посадах чёрные крестьяне и горожане выбирали земских старост. Им в помощь избирали целовальников (те, кто принёс присягу, — поцеловал крест) и губных и земских дьячков, своего рода секретарей. Правда, эти должностные лица существовали и раньше, но их функции были ограничены. Теперь же представители местных обществ стали полновластными администраторами.

Избранная рада действовала решительно, но, видимо, без разработанной программы действий. Так, в Судебнике, принятом всего за несколько лет до отмены кормлений, были тщательнейшим образом определены все права и обязанности наместников и волостелей. Эти статьи оказались устаревшими. Вероятно, в 1550 г. правительство ещё не предполагало, что в скором времени отменит кормления. Идеи рождались у реформаторов как бы на ходу, в самом процессе преобразований.

Не всё, впрочем, удалось осуществить. Так, реформы местного управления проводились в жизнь трудно. Пожилые и не очень здоровые люди, ставшие губными старостами (было предписано избирать на эту должность лишь тех дворян, кто уже

не способен к военной службе), не горели желанием бросать свои имения и бесплатно выполнять многотрудные административные обязанности. Многие отказывались целовать крест, без чего нельзя было вступить в должность, некоторые уезжали из своих уездов в Москву. Новоявленных администраторов приходилось ловить, сажать в тюрьму (на время, чтобы не начинать снова поисков нового губного старосты) и насильно отправлять в свои уезды.

И всё же реформы Избранной рады, хотя ещё и не закончили централизацию государства, шли в этом направлении. Они привели к крупным военным и внешнеполитическим успехам. В 1552 г. русские войска взяли столицу Казанского ханства — Казань, что не удавалось сделать многие десятки лет. Казанское ханство было присоединено к России. Вслед за тем без боя капитулировала Астрахань (1556). Успешно, как отмечалось выше, шла поначалу и Ливонская война.

Разрыв царя с Адашевым и Сильвестром был спровоцирован смертью в 1560 г. царицы Анастасии: Иван IV обвинял своих вчерашних соратников даже в том, что они «счеровали» (околдовали) его любимую жену. «А и з женою вы меня про что разлучили?» — спрашивал царь Иван Курбского в своём послании.

Но причины разрыва были куда глубже: смерть царицы стала тем маленьким камешком, падение которого вызывает обвал в горах. Только охлаждение к Адашеву и Сильвестру могло заставить царя поверить вздорным обвинениям против них. Был, разумеется, и некий психологический конфликт: властолюбивый

царь не мог долго терпеть рядом с собой умных и властных советников. Но и это важное обстоятельство недостаточно для объяснения того, что опала Сильвестра и Адашева повлекла за собой крутой поворот в политике правительства.

Дело в том, что падение Избранной рады — только следствие того, что у царя и его советников были разные концепции централизации. Избранная рада проводила структурные реформы, темп которых не устраивал царя. Слишком торопливыми же структурные преобразования быть не могут. В условиях России XVI в., где ещё не созрели предпосылки для централизации, ускоренное движение к ней было возможно только на путях террора. Ведь ещё не был сформирован аппарат власти, особенно на местах. Да и только что созданные центральные ведомства-приказы действовали ещё в традициях патриархальности.

Путь же террора, которым царь Иван пытался заменить длительную и сложную работу по созданию государственного аппарата, был неприемлем для деятелей Избранной рады. Разумеется, они не были тихими интеллигентами-просветителями, стремившимися привлекать сердца подданных лаской. Система ценностей века была сурова и жестока: существовала смертная казнь за многие преступления, было узаконено применение пыток, при помощи которых считалось совершенно нормальным добывать признания. Тюремное заключение не имело сроков, а потому часто превращалось в пожизненное.

Беспрекословное повиновение властям считалось обязательным.

Да и сам Алексей Адашев был человеком строгим и непреклонным. И всё же для методов Избранной рады не был характерен массовый террор; в те годы страну не окутывала душная и губительная атмосфера всеобщего страха и массового доносительства. Наказания были жестокими, по сегодняшним меркам — слишком жестокими, но относились только к виновным. Той лотерейности террора, когда никто не мог знать, не окажется ли он завтра на плахе и за какую вину, не было в 50-е годы.

Думается, именно это расхождение в принципах и породило сопротивление Сильвестра и Адашева тем или иным начинаниям царя, их упорство в проведении в жизнь собственной политики. Столкнулись не просто две силы, не просто два властолюбия, но и два разных пути централизации. Естественно, победа осталась за царём, а не за подданными. Реальная альтернатива опричной политике, таким образом, существовала и даже осуществлялась в течение примерно десятилетия.

Итак, во второй половине XVI в. выбор между двумя путями развития страны, в равной степени обусловленными уже накопившимися традициями, в известной степени определялся личностью самодержца. В этой связи стоит остановиться на его фигуре. Нередко и современники, и потомки ищут разгадки характеров деспотов и тиранов не в исторической, а в психиатрической науке. Так, оживлённо дискутируется вопрос, не был ли параноиком Сталин. Два врача-психиатра выпустили специальные исследования, посвящённые психической болезни царя Ивана. Сознаю, я достаточно скептически

отношусь к подобным изысканиям.

Первое, что настораживает, когда речь идёт о грозном царе, — база для таких разысканий. Известно, как не любят врачи-психиатры ставить диагнозы на расстоянии, только на основании рассказов близких больного, без личного контакта. В случае же с царём Иваном речь идёт о событиях, отделённых от нас четырьмя с лишним веками. Как нелегко сегодня исследователю отделить слух от действительного факта! К тому же в большинстве источников царь предстаёт как некий символ власти, лишённый живых человеческих черт. В таких условиях сложить не только полную, но и достоверную картину характера практически невозможно.

Однако дело не только в чисто технических сложностях. Даже бесспорное установление факта психической болезни Ивана Грозного или любого другого правителя не снимает вопрос, а лишь порождает новый: какие условия и традиции жизни страны, её государственного строя позволили психически больному человеку сохранять власть и добиваться выполнения собственных распоряжений? Ведь в те же годы психически заболевший шведский король Эрик XIV (как доносил со слов шведов русский дипломат, он стал «не сам у себя своею персоною») был легко отстранён от власти. Вопрос об оценке деятельности царя — не медицинский, а исторический.

Ещё существеннее, как мне представляется, ошибочность некоторых исходных посылок версии о психической болезни. Оговорюсь, что невозможно отрицать какие-то отклонения от психической нормы у царя Ивана. Приступы бешеного

гнева, во время одного из которых он смертельно ранил посохом с железным наконечником любимого сына — царевича Ивана Ивановича — свидетельствуют по крайней мере о психопатичности его натуры.

К этим же проявлениям аномальности можно отнести и чудовищный садизм. При всей жестокости террора вряд ли у царя возникала необходимость самому рубить головы или руководить пытками. Видимо, мучения жертв доставляли царю наслаждение. Потому, должно быть, он был и изобретателен в изыскании особо мучительных способов казней: ведь для политических целей было вполне достаточно простого отсечения головы или повешения; не было нужды поджаривать князя Воротынского на медленном огне, резать живым на куски дьяка Ивана Висковатого, взрывать бочки с порохом, привязав к ним монахов, зашивать людей в медвежьи шкуры и травить собаками...

Всё это так. Однако, отказывая царю Ивану в психической полноценности, чаще исходят из печальных и трагических итогов его царствования: не может быть нормальным человек, доведший страну до полного разорения, совершивший столько действий, вредных для государства, — подобный ход рассуждений довольно обычен. Здесь ошибочна исходная посылка — эта аргументация не вызывала бы возражений, если бы целью Ивана Грозного было благо страны. Но интеллектуальные способности царя Ивана были направлены не на процветание России, а на укрепление своей личной власти, а ведь как раз этой цели он добился.

Благо подданных вообще не входило в систему ценностей царя Ивана, хотя он мог иной раз демагогически порассуждать о том, что пойдёт, а что не пойдёт на пользу «христианству», но всё же ему даже не приходило в голову, что долг монарха — служить благу страны и подданных (мысль, которую через сто с небольшим лет настойчиво повторял Пётр I). Напротив, Иван Грозный был убеждён, что нравственный и христианский долг его подданных — служить царю. Он и считал-то их не подданными, а тем более не вассалами, а рабами, холопами, которых волен казнить или жаловать: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же». В этой формуле лаконично и талантливо (а литературным талантом царь Иван был одарён щедро) выражена самая суть самодержавного деспотизма. Подданные же, по мнению царя, были даны ему в рабство («работу») самим богом.

Если смотреть на действия Ивана Грозного сквозь призму его цели — достижения личной власти, то мы найдём в них совсем не много ошибок. Даже некоторые, казалось бы, бессмысленные акции обретают тогда смысл. К чему, например, государю было уничтожать не только тех, кто противился его воле (а таких было заведомо мало), но и тех, кто ничего не замыслил против царя, кто до своей опалы выступал в роли неразборчивых исполнителей самых грязных поручений Ивана?

Думается, Грозный понимал (быть может, подсознательно), что режим индивидуальной диктатуры должен опираться на всеобщий страх перед диктатором, что нужна, по словам Г.Х. Попова, «подсистема

страха»: иначе не подавить людей думающих и рассуждающих. Если террор будет направлен лишь на подлинных врагов, в стране не возникнет атмосфера настоящего страха. Его вызывает лишь обстановка беззакония. Пока законы, пусть самые суровые, жестокие и несправедливые, соблюдаются, тот, кто их не нарушает, может чувствовать себя в безопасности, а следовательно, и сравнительно независимо. Для тирании же опасно существование независимых от неё людей. Именно отсюда проистекают тотальность и «лотерейность» террора.

Непредсказуемость репрессий, когда человек не знает, в какое время и за какую провинность (и что будет считаться провинностью!) он станет жертвой, превращает его в игрушку в руках правителя. Государь выступает в ореоле божества, которому известно то, что неведомо простым смертным, божества, чьи замыслы недоступны слабому уму его подданных.

Деспот обычно стремится уничтожить не только нынешних, но и потенциальных противников. Ему опасны те, кто поддерживает его за совесть, а не за страх не потому, что он — царь, а потому, что считает правым. Опасен такой союзник для деспота: вдруг он со временем разойдётся во мнениях со своим повелителем? Не выступит ли тогда против? Опора тирана — люди без собственного мнения, охотно делегирующие его тирану. Но нелегко за этикетными формулами верноподданности разглядеть тех, кто нарушает царскую монополию на мысль. Потому-то лучше уничтожить сотни тех, кто никогда не станет врагом, чем пропустить од-

ного, который в будущем осмелится противоречить царю. Отсюда и невероятный масштаб репрессий, кажущийся избыточным.

Однако режим личной власти несёт в себе объективное противоречие, разрешить которое не дано даже самому острому уму. С одной стороны, благополучие любого, самого деспотичного и тираничного правителя тесно (хотя и не жёстко) связано с благополучием страны. В случае тяжёлого военного поражения диктатор может лишиться своей высшей ценности — власти, а порой и жизни. Но вместе с тем интересы режима, требующие устранения (желательно физического) всех, кто возвышается над средним уровнем или, не дай бог, превосходит самого правителя умом и талантом, противоречат интересам страны. Потому-то диктаторские режимы способны добиться порой некоторых временных успехов, но никогда не могут в исторической перспективе привести к благим результатам.

В минуты смертельной опасности даже самый жестокий тиран оказывается вынужден спасать страну, чтобы спастись самому. Ему приходится ослаблять временно свой режим и привлекать тех талантливых людей, которым вчера угрожала (и будет угрожать завтра) расправа. Так и царь Иван в 1572 г., когда над страной нависла угроза нового разгрома от войск Девлет-Гирея, вынужден был призвать опального князя Михайлу Воротынского и объединить под его командованием земские и опричные войска, а затем и отменить опричнину. Логика деспотизма сказала в том, что Воротынский был казнён, когда в нём отпала необходимость.

Стабильность диктаторского режима (и здесь власть Ивана Грозного — также не исключение) поддерживается демагогией. Умело создаётся впечатление, что террор направлен только против верхов, к которым низы обычно не питают добрых чувств. Вспомним, например, обращение Ивана Грозного к московскому посадку при учреждении опричнины. Гибель рядовых людей остаётся незамеченной, зато некоторое количество наиболее одиозных фигур из окружения деспота кончают жизнь на плахе: таковы казни опричников в 70-х годах XVI в. Такой приём позволяет списать самые страшные злодеяния на дурных советников и их злое влияние. Массовое сознание превращает слуг деспота в его вдохновителей и злых гениев.

Как и большинство диктаторских режимов, режим Грозного, сцементированный лишь террором и демагогией, не пережил своего создателя, хотя и оставил неизгладимые следы как в психологии господствующего класса и народных масс, так и в судьбах страны. Преемники Ивана Грозного, унаследовавшие от него необъятную власть, тем не менее не решились укреплять её при помощи террора: этот образ действий оказался скомпрометированным.

Смерть властителя до некоторой степени отрезвляет, хотя, увы, только до некоторой степени. Остаются последствия демагогии: в тень как бы уходит личность главного вдохновителя террора, только его приспешникам достаётся посмертная преступная слава. Так, в фольклоре лишь Малюта Скуратов да Кострюк (его прототип — опричник князь Михайло Темрюкович Черкасский, царский

шурин) становятся олицетворением террора опричных лет. Царь же Иван в народных песнях нередко выступает как вспыльчивый и легковверный, но в конечном счёте справедливый правитель. Такая подмена, обусловленная не только правительственной демагогией, но и наивно-монархическими иллюзиями масс, не так уж невинна, как может показаться. Тем самым консервируется утешительная легенда о добром царе и злых боярах.

Стойкость массового сознания, его традиционность делают этот феномен особенно опасным для дальнейшего развития страны. Думается, не только разорение страны, даже не только жестокое крепостничество, но и в не меньшей степени развращающее влияние на общественное сознание обуславливают отрицательную оценку роли опричнины и в целом деятельности Ивана Грозного в истории России.

<http://www.portal-slovo.ru>

Мнения о личности и деятельности царя Ивана Грозного

ОБЩАЯ ОЦЕНКА МНЕНИЙ

За многие столетия, прошедшие со дня смерти царя Ивана IV Васильевича Грозного, ни в отечественном общественном сознании, ни в научной литературе так и не установилось какого-либо однозначного, тем более единого мнения о личности и деятельности государя. Разные точки зрения возникли уже при жизни царя. Так, князь А.М. Курбский, бежавший в 1564 г. из России в Литву, стал первым обличителем Ивана IV.

Именно Курбский оказался автором концепции «двух Иванов»: в 1550-е гг. — благочестивый православный царь, участник созидания Святорусского царства; в 1560–1570-е гг. — предатель христианских истин, разрушитель Святорусского царства, тиран, убийца. В официальном летописании царь, наоборот, прославлялся как великий христианский государь.

Подобное двойственное восприятие личности и деятельности Ивана Грозного сохраняется до сих пор. Поэтому на сегодняшний день можно выделить три основных направления в оценке Ивана Грозного.

1. **Обличительное** (А.М. Курбский, П.И. Ковалевский, С.Б. Веселовский, А.Г. Кузьмин и др.).

2. **Апологетическое** (официальные летописи XVI в., К.Д. Кавелин, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, И.П. Фроянов и некоторые другие).

3. **Объективистское**, сторонники которого, с одной стороны, признают значительный вклад царя в созидание Российского государства, с другой стороны, обличают его деспотические наклонности (В.О. Ключевский, С.М. Соловьёв, С.Ф. Платонов, А.А. Зимин, В.Б. Кобрин, Б.Н. Флоря, А.Л. Юрганов, С.В. Перевезенцев и др.).

Большинство специалистов всё же обличают царя Ивана или полностью, или же по отдельным моментам. Таким образом, позиции сторонников обличительного и промежуточного направления во многом совпадают (особенно это касается характеристики опричнины, казней, разгрома Новгорода и Пскова и др.). Поэтому можно сказать, что критиче-

ское восприятие деятельности царя является господствующим. Однако необходимо отметить, что подавляющее большинство точек зрения продолжает основываться на выдвинутой А.М. Курбским концепции «двух Иванов».

Как отметил современный историк А.И. Филюшкин, «историки и литераторы смотрят на Россию XVI в. вот уже больше 300 лет» глазами Курбского. Иначе говоря, мы и сегодня воспринимаем и личность царя Ивана Грозного, и его деятельность, и все процессы второй половины XVI века исключительно через призму восприятия опального князя А.М. Курбского. Одновременно взгляд самого Ивана Грозного, отражённый в его многочисленных посланиях, в летописных источниках, автоматически считается необъективным, а то и откровенно лживым. Насколько это правильно, насколько такое восприятие способствует верному восприятию исторической действительности — это большая проблема.

При этом в каждом из направлений есть свои ответвления, свои позиции, сторонники которых по-разному объясняют причины тех или иных поступков Ивана Грозного. Отметим отдельные, наиболее влиятельные позиции.

1. Психологические объяснения. Начало этому положил Н.М. Карамзин, считавший, что Иван Грозный был подвержен, во-первых, значительному влиянию своего окружения (в детстве — «плохих» бояр, в 1550-е гг. — «хороших» Сильвестра и Адашева, позднее — опять «плохих развратников»), во-вторых, собственным страстям и порокам. Немно-

го позднее медик Я.А. Чистович и психиатр П.И. Ковалевский пришли к выводу, что Иван Грозный был психически больным человеком, страдавшим паранойей. С этим согласны и некоторые современные историки, в частности А.Г. Кузьмин.

2. Социологические объяснения. Начало этому положил крупнейший русский историк XIX в. С.М. Соловьёв, считавший, что в деятельности Ивана Грозного нашла отражение борьба нового государственного порядка со старым родовым строем. Объективно неизбежной борьбой государства с боярством объяснял деятельность царя и В.О. Ключевский. В свою очередь, К.Д. Кавелин был уверен в положительном значении деятельности Ивана Грозного, более того, Кавелин утверждал, что Иван Грозный боролся с западным влиянием, проникавшим на Русь. Позднее С.Ф. Платонов утверждал, что целью всех репрессий царя были «старые княжата». Мнения этих и других историков стали очень влиятельны. К примеру, в 1930–1940-е гг. и фигура Ивана Грозного и его репрессии воспринимались однозначно положительно.

Позднее было доказано, что в ходе опричных расправ пострадали не только бояре и старые княжата, но и многие дворяне, более того, боярское землевладение только расширилось. Академик С.Б. Веселовский был уверен, что Иван Грозный действовал исключительно в интересах укрепления собственной власти, совершенно не заботясь о каких-то других интересах. Появилась точка зрения А.А. Зимина, который указывал на то, что царь боролся с Церковью. **В целом, в 1950–1980-е гг.**

утвердилось то самое «объективистское» направление: объективно царь способствовал усилению Российского государства, но субъективно был тираном и убийцей.

3. Религиозные объяснения.

Начало этому положил опять же А.М. Курбский, который был уверен, что причины изменений, произошедших в Иване Грозном, лежат в области его религиозных предпочтений: царь изменил христианскому долгу, предал христианские истины, его поработил Сатана. Впрочем, в измене христианству обвинял самого Курбского и Иван Грозный в своих посланиях. Видимо, дело заключалось в различном толковании христианских истин царём и опальным князем.

Позднее значение религиозного фактора для Ивана Грозного особо отметил В.О. Ключевский, но не сконцентрировал на этом своего внимания. Уже в XX в. Г.П. Федотов, крупный мыслитель Русского Зарубежья, выделил религиозные идеи Ивана Грозного как одни из ведущих в его деятельности. Однако Федотов, вслед за Курбским, был уверен, что царь изменил христианству, а его деяния были, скорее, антихристианскими. В советской историографии роль религиозного фактора отрицалась.

Только в последние годы значительная часть специалистов и публицистов стали обращать внимание на роль религиозного фактора в деятельности царя Ивана Грозного (А.Л. Юрганов, С.В. Перевезенцев, А.И. Филюшкин, митрополит Иоанн, И.П. Фроянов и др.). Более того, стремление объяснить деяния Ивана Грозного через призму его религиозных воззрений — это сегодня, навер-

ное, самая популярная и самая влиятельная точка зрения.

Особо следует сказать о мнении Русской православной церкви. Дело в том, что в последние пятнадцать лет было развёрнуто массовое общественное движение за канонизацию Ивана Грозного. Церкви пришлось отвечать на эти требования — Архиерейский Собор 2004 года решительно отверг возможность канонизации первого русского царя.

Таким образом, стоит ещё раз подчеркнуть, что ни в научной, ни в художественной литературе, ни в публицистике до сего дня нет общепринятой точки зрения на личность и деятельность царя Ивана Грозного.

1. РАЗНОГОЛОСИЦА В ОЦЕНКАХ ИВАНА ГРОЗНОГО

С.Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ (советский историк XX в.):

«В нашей историографии нет, кажется, вопроса, который вызывал бы большие разногласия, чем личность царя Ивана Васильевича, его политика и, в частности, его пресловутая опричнина. И замечательно, что по мере прогресса исторической науки разногласия, казалось бы, должны были уменьшиться, но в действительности наблюдается обратное».

Н.К. МИХАЙЛОВСКИЙ (русский публицист XIX в.):

«При чтении литературы, посвящённой Грозному, выходит такая длинная галерея его портретов, что прогулка по ней в конце концов утомляет. Утомление тем более понятное, что хотя со всех сторон галереи на вас смотрит изображение одного и того же исторического лица,

но вместе с тем лицо это «в столь разных видах представляется, что часто не единым человеком является». Одни и те же внешние черты, одни и те же рамки и при всём том совершенно-таки разные лица: то падший ангел, то просто злодей, то возвышенный и пронзительный ум, то ограниченный человек, то самостоятельный деятель, сознательно и систематически преследующий великие цели, то какая-то утлая ладья «без руля и ветрил», то личность, недостижимо высоко стоящая над всей Русью, то, напротив, низменная натура, чуждая лучшим стремлениям своего времени».

С.М. СОЛОВЬЁВ (русский историк XIX в.):

«К сказанному прежде об этом характере, о его образовании и постепенном развитии нам не нужно было бы прибавлять ничего более, если б в нашей исторической литературе не высказывались об нём мнения, совершенно противоположные. В то время как одни, преклоняясь пред его величием, старались оправдать Иоанна в тех поступках, которые назывались и должны называться своими очень нелестными именами, другие хотели отнять у него всякое участие в событиях, которые дают его царствованию беспрекословно важное значение.

Эти два противоположных мнения проистекли из обычного стремления дать единство характерам исторических лиц; ум человеческий не любит живого многообразия, ибо трудно ему при этом многообразии уловить и указать единство, да и сердце человеческое не любит находить недостатков в предмете любимом, достоинств в предмете,

возбудившем отвращение. Прославилось известное историческое лицо добром, и вот повествователи о делах его не хотят допустить ни одного поступка, который бы нарушал это господствующее представление об историческом лице; если источники указывают на подобный поступок, то повествователи стараются во что бы то ни стало оправдать своего героя; и, наоборот, в лице, оставившем по себе дурную славу, не хотят признать никакого достоинства. Так случилось и с Иоанном IV...»

С.В. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ (современный историк):

«В научной и художественной литературе, в публицистике и поэзии существует масса версий, объясняющих те или иные деяния первого русского царя. Ответов на сегодняшний день дано много. И всё же эти ответы, это наше знание свидетельствуют лишь об одном — мы более или менее осознали некие объективные причины, которое могли подвигнуть Ивана Грозного на определённые поступки. Но вот мотивы поведения самого Ивана Грозного нам до сих пор, в принципе, ясны далеко не до конца.

А проблема в одном — современному сознанию, в большей степени рационалистическому и даже атеистическому, совсем не просто проникнуть во внутренний мир человека, живущего совершенно по другим законам. По законам глубоко религиозно-мифологическим. Такое было время тогда, в XVI столетии. Такими были и люди».

А.И. ФИЛЮШКИН (современный историк):

«До сих пор история правления первого русского царя излагается по заложенной ещё Н.М. Карамзиным

на основе сочинений Курбского схеме «двух Иванов»: хорошего государя в 1550-е гг., времени реформ, времени правления «Избранной рады», и необузданного тирана после 1560 г., после смерти царицы Анастасии, разгона «Избранной рады» и «облютения» царя. Существование данной схемы — самый главный след в истории, который сумел оставить Курбский. Его глазами историки и литераторы смотрят на Россию XVI в. вот уже больше 300 лет».

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ДЖЕРОМ ГОРСЕЙ (ум. после 1526 г., английский дворянин, дипломат, встречался с царём Иваном Грозным):

«В заключение скажу о царе Иване Васильевиче. Он был приятной наружности, имел хорошие черты лица, высокий лоб, резкий голос — настоящий скиф, хитрый, жестокий, кровавый, безжалостный, сам по своей воле и разумению управлял как внутренними, так и внешними делами государства. Он был пышно захоронен в церкви Архангела Михаила; охраняемый там днём и ночью, он всё время оставался столь ужасным воспоминанием, что, проходя мимо или упомянув его имя, люди крестились и молились, чтобы он вновь не воскрес, и проч».

Н.М. КАРАМЗИН (русский историк XIX в.):

«История не решит вопроса о нравственной свободе человека; но, предполагая оную в суждении своём о делах и характерах, изъясняет те и другие, во-первых, природными свойствами людей, во-вторых, об-

стоятельствами или впечатлениями предметов, действующих на душу. Иоанн родился с пылкими страстями, с воображением сильным, с умом ещё более острым, нежели твёрдым или основательным».

М.П. ПОГОДИН (русский историк XIX в.):

Оценивая личность и дела Ивана Грозного, М.П. Погодин писал: «Что есть в них высокого, благородного, прозорливого, государственного? Злодей, зверь, говорун-начётчик с подъяческим умом, — и только. Надо же ведь, чтобы такое существо, потерявшее даже образ человеческий, не только высокий лик царский, нашло себе прославителей».

С.М. СОЛОВЬЁВ (русский историк XIX в.):

«Подобно деду своему, Иоанну III, Иоанн IV был очень высокого роста, хорошо сложен, с высокими плечами, широкою грудью; по иностранным свидетельствам, он был полон, а по русским — сухощав, глаза у него были маленькие и живые, нос выгнутый, усы длинные. Привычки, приобретенные им во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выражение, хотя смех беспрестанно выходил из уст его. Он имел обширную память, обнаруживал большую деятельность; сам рассматривал все просьбы; всякому можно было обращаться прямо к нему с жалобами на областных правителей. Подобно отцу, любил монастырскую жизнь, но по живости природы своей не довольствовался одним посещением монастырей, созерцанием тамошнего быта: в Александровской слободе завёл монастырские обычаи, сам был игуменом, опричники — братию...»

...Явилось мнение, по которому у Иоанна должна быть отнята вся слава важных дел, совершённых в его царствование, ибо при их совершении царь был только слепым, бессознательным орудием в руках мудрых советников своих — Сильвестра и Адашева <...> Мы видим, что Иоанн в одном случае действует по совету одних, в другом — других, в некоторых же случаях следует независимо своей мысли, выдерживая за неё борьбу с советниками. О могущественном влиянии Сильвестра говорят единогласно все источники; но мы имеем возможность не преувеличивать этого влияния, установить для него настоящую меру».

К.Д. КАВЕЛИН (русский историк и юрист XIX в.):

«Его многие судили, очень немногие пытались понять, да и те увидели в нём только жалкое орудие придворных партий, чем Иоанн не был. Все знают, все помнят его казни и жестокости; его великие дела остаются в тени; о них никто не говорит. Добродушно продолжаем мы повторять отзывы современников Иоанновых, не подозревая даже, что они-то всего больше объясняют, почему Иоанн сделался таким, каков был под конец: равнодушие, безучастие, отсутствие всяких духовных интересов — вот что встречал он на каждом шагу. Борьба с ними — ужаснее борьбы с открытым сопротивлением. Последнее вызывает силы и деятельность, воспитывает их; первые их притупляют, оставляя безотрадную скорбь в душе, развивая безумный произвол и ненависть».

Я.А. ЧИСТОВИЧ (медик, историк медицины, XIX в.):

Попытался понять загадку характера Ивана Грозного с точки зрения психиатрии. Рассмотрев свидетельства о Грозном, приводимые у Карамзина, Я. Чистович пришёл к следующему выводу: **«Карамзин не догадался, что Иван IV не изверг, а больной»**. По мнению Чистовича, царь Иван IV **«страдал неистовым помешательством, вызванным и поддержанным яростным сладострастием и распутством»**.

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ (русский историк XIX–XX в.):

«...Нравственной неровностью, чередованием высоких подъёмов духа с самыми постыдными падениями объясняется и государственная деятельность Ивана. Царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого и рядом с этим надевал ещё больше поступков, которые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений. <...> По природе или воспитанию он был лишён устойчивого нравственного равновесия и при малейшем житейском затруднении охотнее склонялся в дурную сторону. От него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки: он не умел сладить с малейшим неприятным случаем. <...>

Ему недоставало внутреннего, природного благородства; он был восприимчивее к дурным, чем к добрым впечатлениям; он принадлежал к числу тех недобрых людей, которые скорее и охотнее замечают в других слабости и недостатки, чем дарования или добрые качества. В каждом встречном он прежде всего видел врага. Всего труднее было приобрести его доверие. Для этого таким людям надобно ежеминутно давать чув-

ствовать, что их любят и уважают, всецело им преданы, и кому удавалось уверить в этом царя Ивана, тот пользовался его доверием до излишества. Тогда в нём вскрывалось свойство, облегчающее таким людям тягость постоянно напряжённого злого настроения, — это привязчивость. <...> Эта двойственность характера лишала его устойчивости. Житейские отношения больше тревожили и злили его, чем заставляли размышлять.

Но в минуты нравственного успокоения, когда он освобождался от внешних раздражающих впечатлений и оставался наедине с самим собой, со своими задушевными думами, им овладевала грусть, к какой способны только люди, испытавшие много нравственных утрат и житейских разочарований.

Описанные свойства царя Ивана сами по себе могли бы послужить только любопытным материалом для психолога, скорее для психиатра, скажут иные: ведь так легко нравственную распущенность, особенно на историческом расстоянии, признать за душевную болезнь и под этим предлогом освободить память мнимобольных от исторической ответственности. К сожалению, одно обстоятельство сообщило описанным свойствам значение, гораздо более важное, чем какое обыкновенно имеют психологические курьёзы, появляющиеся в людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьёзами, как русская: Иван был *царь*. Черты его личного характера дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказал сильное, притом вредное, влияние на

его политический образ действий, испортил его».

П.И. КОВАЛЕВСКИЙ (профессор психиатрии, XIX–XX вв.):

«Почти все историки высказывают тот взгляд, что Иоанн Грозный обладал недюжинным умом и твёрдым характером. На наш взгляд, ум Иоанна Грозного был не выше среднего уровня, а характер у него вовсе отсутствовал.

Во всём царствовании Иоанна мы не видим ни одной определённой мысли, которую бы он руководился, ни одного прочного убеждения, ни одного твёрдого правила. Это был ум крайне поверхностный, неустойчивый и неопределённый. Одну минуту он думал одно, другую — другое, а третью — третье. Он не имел своих убеждений, а поступал так, как ему внушали другие. Узкий и недалёковидный во взглядах, он не замечал, как ему окружающие внушали. Болезненно самолюбивый и любящий фигурировать, он охотно поведал чужие мысли как свои. Гордый и строптивый, он радостно приводил в исполнение чужие внушения, принимая их за свои. <...>

Нетвёрдый умом, не имея никаких определённых убеждений и взглядов, фантазёр и мечтатель, потрясённый до глубины души целым рядом несчастных событий, дерзкий и кровожадный в силе, малодушный и трусливый в одиночестве, суеверный и мистик. <...>

Иоанн не был по характеру человеком цельным, определённым. Кроме болезненных черт, — характера самобытного и ясно выкристаллизованного в нём не было. Он был эхом обстановки и окружающих людей. Окружали его с детства хищники

и звери и подготовили в 13 лет волчонка, который публично разорвал Шуйских и их клевретов. Влиял на него мечтательный, увлекающийся и отчасти мистик митрополит Макарий, и из Иоанна вылился фантазёр и романтик, «царь по чину Владимира Мономаха». Стал он в кружке Сильвестра, Адашева, Анастасии и Макария и был царём правым, чистым, любящим и заботливым отцом. Стали при нём Фёдор Басманов и Малюта Скуратов, и из Иоанна вышел убийца и кровожадный человек.

Иоанн, по характеру, был трость, колеблемая ветром. Трость крайне крепкая и упругая, — но поддающаяся ветру. Это был человек с чрезмерной энергией, сильным своеволием, бесконечной деятельностью, но без определённых убеждений и стойкого характера. Он быстро увлекался и ещё быстрее приводил в исполнение свои увлечения, хотя бы ему после этого приходилось и каяться. Под влиянием людей с ясным и прочным убеждением и характером он мог быть незаменимым человеком. Не имея своего собственного, он выполнял чужое с такой энергией, с какой не выполнил бы дела и создатель его. Вот почему при Шуйских и Бельских он разъярённый волчонок, при Макарии — чистый и непорочный романтик, при Сильвестре — образцовый конституционный царь, проводящий самодержавные принципы, при Малюте Скуратове — дикий зверь.

В его душе не было ни Бога, ни любви к родителям, ни любви к детям, ни любви к ближним, ни любви к родине. По существу он был ханжа: днём нигилист, а ночью молящий Бога о спасении до завтра. Отец —

в чёрном клобуке убивающий своего сына. Престарелый человек — пред смертным одром заигрывающий со своей невесткой. Царь — ищущий жительство в Англии. Друг — казнящий Воронцова, ссылающий Сильвестра и Адашева и истязающий Вяземского и Басмановых. Отец отечества — выжигающий целые города дотла... Во всём его характере масса противоречий, неустойчивости, несостоятельности и несамостоятельности. Подобно характеру, такой же неустойчивый, неопределённый и невыдержанный был и ум Иоанна. <...>

Наш вывод тот, что тридцатилетний царь в умственном отношении представляет собою безволие, подобную гипнотическому состоянию. Окружающие являлись гипнотизёрами без гипноза. Безвольный царь являлся бессознательным, но энергичным и ярким исполнителем их внушений. У него неоставало ни способности самостоятельно действовать, ни сознания собственного бессилия и подчиняемости чужому внушению. <...>

...Я с убеждением позволяю себе высказать мнение, что Иоанн Грозный был душевнобольной человек, причём его душевная болезнь выражалась в форме однопредметного помешательства (монomanия, или паранойя), позволявшего ему одновременно и управлять государством, и совершать деяния, которым могут быть найдены объяснения только в его болезненном душевном состоянии».

Н.П. ЛИХАЧЁВ (академик, нач. XX в.):

Н.П. Лихачёв решительно отказывался считать Грозного душевнобольным. На основе трудов извест-

ного психиатра С.С. Корсакова историк указал на разные подходы медиков к диагностике паранойи и подвиг суровой критике построения Ковалевского и Глаголева: «Царь Иван Грозный был человеком своего века, и, обвиняя его в ненормальности, надо предварительно стать на точку зрения его современников и его самого».

В.А. КОБРИН (советский историк):

«Первое, что обращает на себя внимание при чтении произведений царя Ивана, — это его широкая (разумеется, на средневековом уровне) эрудиция. Для доказательства своих положений он совершенно свободно оперирует примерами не только из истории древней Иудеи, изложенной в Библии, но и из истории Византии. Все эти многочисленные сведения у него как бы естественно выплёскиваются. Он прекрасно знает не только Ветхий и Новый Заветы, но и жития святых, труды «отцов церкви» — византийских богословов. <...> Поражает память царя. Он явно наизусть цитирует в обширных выдержках Священное писание. Это видно из того, что библейские цитаты даны близко к тексту, но с разночтениями, характерными для человека, воспроизводящего текст по памяти.

Думается, сочетание больших природных способностей, интеллектуальной и литературной одарённости с властолюбием способствовали развитию в царе Иване некоего «комплекса полноценности», превосходства над жалкими «людишками», не знающими того, что ведомо царю, не умеющими так выражать свои мысли, как умеет царь. Не только отсюда, но, возможно, и отсюда проис-

текало глубокое презрение царя к людям, стремление унижить их достоинство».

А.Г. КУЗЬМИН (советский историк):

«К 1560 году царь разорвал отношения с правительством «Избранной рады» и в начале 60-х годов попытался обвинить своих бывших советников в «изменах» и «волшебстве». Некоторые авторы считают, что психические аномалии, которыми царь, похоже, страдал с детства, теперь прорываются наружу в форме неуёмной ярости. За опалами следуют казни, которые особенно свирепыми становятся после кончины митрополита Макария в 1563 году».

А.Л. ЮРГАНОВ (современный историк):

«Как это ни покажется удивительным, но в научной литературе не обращалось внимание на то, что ни один из современников царя не называет его «Иваном Грозным». И даже в фольклоре XVI–XVII вв., допускающем вольные переосмысления, чётко выдерживается определённое, очень продуманное отношение к этому слову. «Грозный» в фольклоре — это прилагательное, не превращённое в имя собственное.

«Отвечает Кастрюк-Мастрюк: «Говорит Грозный царь, Иван Васильевич»; «Во матушке было в каменной Москве, / При Грозном царе Иване Васильевиче»; «Другой борец идёт Иванушка маленький. / «Уж ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич!» и т.д. и т.п. И ни разу — Иван Васильевич Грозный: это значит, что современники и ближайшие потомки твёрдо знали, что царя нельзя подобным образом именовать. Судя по всему, причина запрета

та заключается в том, что слово «Грозный» как предикат уже употреблялось, и достаточно широко, но применительно к небесным силам вообще и Архангелу Михаилу в частности. Как бы ни уподоблялся царь Богу, но небесная иерархия была выше любой земной. <...> По всей видимости, именно из фольклора слово это, при посредничестве В.Н. Татищева, переключивается в науку, но уже с иным смыслом и как имя собственное русского царя».

С.В. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ (современный историк):

«Вот и сочетались, столь странно и причудливо, в мистическом сознании Ивана Грозного идеалы православного иноческого подвига и неодолимая тяга к языческому знанию, вера в собственную богоизбранность и сомнение в истинности избранного пути, жажда нравственной чистоты и необузданность желаний. А над всем этим сложнейшим душевным симбиозом стояла гордыня, которая безраздельно владела его сердцем. Так ведь и кажется, что с самого начала царствования и до конца дней своих испытывал царь Иван Васильевич — какую власть даровал ему Господь на земле? Где пределы царского своеволия? Что ещё будет позволено совершить?»

Но, объявив самого себя центром земной жизни, «богоизбранным иноком-самодержцем», он, скорее всего, не рассчитал своих сил. Потребовав от себя соответствия образу идеального государя, он себе же предложил нерешаемую, в принципе, задачу. И дело было даже не в сопротивляющемся окружении. Его, Ивана Грозного, натура сопротивлялась. Его тело, его душа не могли выдер-

жать столь грандиозных психических и физических нагрузок. И, справившись с многочисленными врагами-изменниками, он не справился сам с собой».

3. ИВАН ГРОЗНЫЙ И ИДЕЯ ВЛАСТИ

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ (русский историк XIX в.):

«Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное я сделалось для него предметом набожного поклонения. Он сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде учёной теории своей царской власти. Тонем вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси *по Божию изволению, а не по многмятежному человеческому хотению.*»

Г.П. ФЕДОТОВ (русский публицист XX в.):

«Идеалом власти Грозного является язычник — Август, при котором Империя ещё не знала разделения. Он заслоняет в его глазах и православных византийских царей, от него, чрез легендарного Пруса, выводит он и свой род Рюриковичей. На современном ему «безбожном» Западе и магометанском Востоке Грозный ищет уроков тирании и без труда на-

ходит их в век Ренессанса и зачинающегося абсолютизма: «А в иных землях сам узришь, елико содевается злым злая: там не по-здешнему!.. В иных землях изрядец (изменников) не любят: казнят их, да тем утверждаются». <...> Эти идеи коренятся в традиционной русско-византийской православной почве. Но Грозный доводит их до абсурда, чеканя их в неправославную и нехристианскую форму. Этому извращению русской теократической идеи противостоял идеал власти св. Филиппа, который воплощал лучшие традиции Русской церкви».

Я.С. ЛУРЬЕ (советский историк):

«Своеобразие идеологической позиции Ивана Грозного в том именно и заключалось, что идея нового государства, воплощающего правую веру, «изрушившуюся» во всём остальном мире, начисто освободилась у него от прежних вольнодумных и социально-реформаторских черт и становилась официальной идеологией уже существующего «православного истинного христианского самодержавства». Главной задачей становились поэтому не реформы в государстве, а защита его от всех антигосударственных сил, которые «растлевают» страну «нестроением и междоусобными бранями». Разделяя пересветовскую враждебность к «вельможам», царь делал отсюда один важный вывод: негодных и «изменных» бояр должны были сменить новые люди».

В.Б. КОБРИН (советский историк):

«Главная ценность для него — ничем не ограниченная самодержавная власть. Думается, нет более лаконичного, чёткого и даже талантли-

вого определения деспотизма, чем то, которое дал Иван Грозный: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же...» В этих словах выражена суть именно деспотизма, а не абсолютной монархии, хотя эти два явления подчас путают. <...> Царь Иван был уверен, что служить ему — нравственный и христианский долг его подданных. Сам Господь поручил их ему в «работу», то есть в рабство. <...> Самодержавную власть Грозный считал единственно возможной формой правления. С презрением пишет он о тех «безбожных» государях, которые «царствии своими не владеют, како им повелят работные их, так и владеют». Вспомним, что и английскую королеву Елизавету он порицал за некоторую ограниченность её власти: «...у тебя мимо тебя люди владеют». Царь и деятелей «Избранной рады» обвинял прежде всего в узурпации царской власти: они «во всем своё хотение улучиша», «от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша».

Н.Н. ВОЕЙКОВ (историк Русского Зарубежья):

«Грозный, которого некоторые историки считают воплощением абсолютизма, на самом деле, несмотря на все свои жестокости, был одним из русских государей, наиболее чутким к народной воле. <...> Желая отратить народ от хищений бояр, царь учредил систему областного самоуправления, которая, не будь Смутного Времени и последующей разрухи, смогла бы предотвратить некоторые пагубные результаты Петровых реформ. <...>

В управительной системе Грозного заметно желание сблизить цар-

ский престол с жизнью всех сословий путём привлечения толковых людей независимо от их рода. Царь, говоривший, что ему — выше других поставленному, тем самым виднее то, что не видит «куриное око», предвидя вред бюрократии, т.е. чиновничества, опираться на живые силы государства, самоуправляющиеся под верховенством царской власти. Грозный обратил также большое внимание на земские соборы, созываемые государями для решения важнейших дел. Сам состав соборов указывает нам на пользу этого характерного для московской Руси учреждения. В соборах принимали участие выборные служилые и тяглые люди со всего государства, благодаря чему их мнения, не в пример западным парламентам современных демократий, подлинно выражали народные настроения и чаяния.

Так, в 1566 г. земский собор в Москве призван был решать важнейший вопрос внешней политики — войны или мира с Литвой, и Иван IV поступил согласно соборному приговору. Один этот факт полностью разрушает обвинение Грозного в абсолютизме».

С.В. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ (современный историк):

«Послания Ивана Грозного Курбскому — это уникальный религиозно-философский памятник, ибо в них впервые в русской истории сам государь полностью, в законченном виде сформулировал, исторически и религиозно-философски обосновал **основные принципы самодержавной власти русских монархов**. Один из важнейших принципов — **полнота самодержавной власти**. Иван Грозный и утверждает

необходимость и возможность только неограниченно самодержавного, единовластного правления в России, если Российское царство хочет исполнить возложенную на него вселенскую миссию по утверждению истинного православия. В этом заключался кардинальный политический разрыв Ивана Грозного и с «Избранной радой», и с «нестыжательской «традицией».

Государь формулирует и **второй принцип — Божественное происхождение самодержавной власти**. Более того, Иван Грозный обосновывает тезис богоизбранности самого государя. И никто не имеет права покушаться на его власть. «Кто противится такой власти — противится Богу!» — восклицает он.

И, наконец, **третий принцип самодержавной власти: главный смысл власти русского самодержавного государя состоит в том, чтобы нести свет истины по всему миру, устроить и свою страну, а то и весь мир по Божественным Заповедям**. Иван Васильевич писал: «Я же усердно стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы познали единого истинного Бога, в Троице славимого, и данного Богом государя...» <...>

Итак, в Первом послании Курбскому Иван Грозный впервые свёл в единую систему основные принципы самодержавной власти русских государей. Но понимание *методов* воплощения этих принципов в реальную историческую практику связано уже исключительно с *личными* качествами Ивана Грозного, с его *личным* мировоззрением, как политическим, так и религиозно-мистическим. Иван Грозный понимал суть царской влас-

ти — как *разновидность монашеского подвига*. Вот и приоткрывается, как кажется, тайна Ивана Грозного. Все его деяния, все его поступки объясняются в первую очередь своеобразным религиозно-мистическим мировоззрением первого русского царя».

4. ПРИЧИНЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОПРИЧНИНЫ

Н.М. КАРАМЗИН (русский историк XIX в.):

«Развратники (*новые советники царя после удаления Сильвестра и Адашева*. — Сост.), указывая царю на печальные лица важных бояр, шептали: «Вот твои недоброхоты! Вопреки данной ими присяге, они живут адашевским обычаем, сеют вредные слухи, волнуют умы, хотя бы прежнего своевольства». Такие ядовитые наветы растравляли Иоанново сердце, уже беспокойное в чувстве своих пороков; взор его мутился; из уст вырывались слова грозные. Обвиня бояр в злых намерениях, в вероломстве, в упорной привязанности к ненавистной памяти мнимых изменников, он решился быть строгим и сделался мучителем, коему равного едва ли найдём в самых Тацитовых летописях!

Не вдруг, конечно, рассвирепела душа, некогда благолюбивая: успехи добра и зла бывают постепенны; но летописцы не могли проникнуть в её внутренность; не могли видеть в ней борения совести с мятежными страстями; видели только дела ужасные и называют тиранство Иоанново *чуждою бурей*, как бы из недр ада посланною возмутить, истерзать Россию».

С.М. СОЛОВЬЁВ (русский историк XIX в.):

«...Опричнина, с одной стороны, была следствием враждебного отношения царя к своим старым боярам, но, с другой стороны, в этом учреждении высказался вопрос об отношении старых служилых родов, ревниво берегущих свою родовую честь и вместе свою исключительность посредством местничества, к многочисленному служилому сословию, день ото дня увеличивавшемуся вследствие государственных требований и вследствие свободного доступа в него отовсюду; подле личных стремлений Иоанна видим стремления целого разряда людей, которым было выгодно враждебное отношение царя к старшей дружине. Мы видели, что сам Иоанн в завещании сыновьям смотрел на опричнину как на вопрос, как на первый опыт.

После мы увидим, как будет решаться этот важный вопрос об отношениях младшей дружины к старшей. Государство складывалось, новое сводило счёты со старым; понятно, что должен был явиться и громко высказаться вопрос о необходимых переменах в управлении, о недостаточности прежних средств, о злоупотреблениях, от них происходящих, являются попытки к решению вопроса — губные грамоты, новое положение дьяков относительно воевод и т.д. Понятно, что в то же время должен был возникнуть вопрос первой важности — вопрос о необходимости приобретения средств государственного благосостояния, которыми обладали другие европейские народы; и вот видим первую попытку относительно Ливонии. Век задавал важные вопросы, а во главе государства сто-

ял человек, по характеру своему способный приступить немедленно к их решению».

К.Д. КАВЕЛИН (русский историк и юрист XIX в.):

«В 1565 году он установил опричнину. Это учреждение, оклеветанное современниками и не понятое потомством, не внушено Иоанну — как думают некоторые — желанием отделиться от русской земли, противопоставить себя ей: кто знает любовь Иоанна к простому народу, угнетённому и раздавленному в его время вельможами, кому известна заботливость, с которой он старался «облегчить его участь», тот этого не скажет. Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства: мысль, которая под другими формами была осуществлена потом Петром Великим.

Если эта попытка была безуспешна и наделала много зла, не принесла никакой пользы, не станем винить Иоанна. Он жил в несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта. Опричники, взятые из низших слоёв общества, ничем не были лучше бояр; дьяки были только грамотнее, сведущее в делах, чем вельможи, но не уступали им ни в корыстолюбии, ни в отсутствии всяких общих нравственных интересов; общины, как ни старался Иоанн поднять их и оживить для их же собственной пользы, были мёртвы; общественного духа в них не было, потому что в них продолжался прежний полупатриархальный быт.

За какие реформы ни принимался Иоанн, все они ему не удались, потому что в самом обществе не было ещё элементов для лучшего порядка вещей. Иоанн искал органов для осуществления своих мыслей и не нашёл; их неоткуда было взять. Растерзанный, измученный бесплодной борьбой, Иоанн мог только мстить за неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, всё, что было в нём великого и благородного, — и мстил страшно <...>.

Со времени Ивана III в состав Московского государства вошла значительная часть тогдашней западной России — Новгород, Псков, города и княжества литовские. С тем вместе должен был произойти оттуда значительный приток в Великороссию элементов, чуждых её общественному складу, не дававших в западной России сложиться государству и столько же враждебных к нему в Великороссии. Эти элементы вошли, главным образом, в состав царских служебных чинов и, усилившись новыми литовскими и польскими выходцами из-за границы, получили в царствование Грозного большое влияние.

Вспомним роль Глинских, стоявших во главе правления; Бельского, потомка Гедимины, соискателя литовского престола; к той же категории принадлежал и знаменитый Курбский. К этим элементам могли присоединиться старинные великорусские удельные князья, лишённые владений и обратившиеся в слуг московских государей; в то время московская знать едва ли меньше сочувствовала польским и литовским порядкам, чем впоследствии шведским, французским и английским.

В попытках всех этих элементов изменить по своему идеалу государственный строй Великороссии, внести в него западнорусские начала и следует, как нам кажется, искать ключ к явлениям и событиям этой замечательной эпохи. В лице Грозного великорусское государство вступило в борьбу с западнорусскими и польскими государственными элементами, вошедшими в состав Московского государства».

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ (русский историк XIX–XX в.):

«Дело заключалось в историческом сложившемся противоречии, в несогласии правительственного положения и политического настроения боярства с характером власти и политическим самосознанием московского государя. Этот вопрос был неразрешим для московских людей XVI в. Потому надобно было до поры до времени заминать его, сглаживая вызвавшее его противоречие средствами благоразумной политики, а Иван хотел разом разрубить вопрос, обострив самое противоречие, своей односторонней политической теорией поставив его ребром, как ставят тезисы на учёных диспутах, принципиально, но непрактично.

Усвоив себе чрезвычайно исключительную и нетерпеливую, чисто отвлечённую идею верховной власти, он решил, что не может править государством, как правила его отец и дед, при содействии бояр, но как иначе он должен править, этого он и сам не мог уяснить себе. Превратив политический вопрос о порядке в ожесточённую вражду с лицами, в бесцельную и неразборчивую резню, он своей опричниной внёс в общество страшную смуту, а сыноубий-

ством подготовил гибель своей династии. Между тем успешно начатые внешние предприятия и внутренние реформы расстроились, были брошены недоконченными по вине неосторожно обострённой внутренней вражды».

С.Ф. ПЛАТОНОВ (русский историк XIX–XX в.):

«Потомки старой русской династии, «княжата», превратившись в служилых бояр своего сородича московского царя, требовали себе участия во власти; а царь мнил их за простых подданных, которых у него «не одно сто», и потому отрицал все их притязания. В полемике Грозного с Курбским вскрывался истинный характер «избранной рады», которая, очевидно, служила орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики, и делала ограничения царской власти не в пользу учреждённой (думы), а в пользу известной общественной среды (княжат).

Такой характер оппозиции привёл Грозного к решимости уничтожить радикальными мерами значение княжат, пожалуй, даже и совсем их погубить. Совокупность этих мер, направленных на родовую аристократию, называется *опричниной*. Суть опричнины состояла в том, что Грозный применил к территории старых удельных княжеств, где находились вотчины служилых князей-бояр, тот порядок, какой обыкновенно применялся Москвой в завоёванных землях.

И отец, и дед Грозного, следуя московской правительственной традиции, при покорении Новгорода, Пскова и иных мест выводили оттуда наиболее видных и для Москвы опасных людей в свои внутренние облас-

ти, а в завоёванный край посылали поселенцев из коренных московских мест. Это был испытанный приём ассимиляции, которой московский государственный организм усваивал себе новые общественные элементы. В особенности ясен и действителен был этот приём в Великом Новгороде при Иване III и в Казани при самом Иване IV. Лишаемый местной руководящей среды завоёванный край немедля получал такую же среду из Москвы и начинал вместе с ней тяготеть к общему центру — Москве.

То, что удавалось с врагом внешним, Грозный задумал испытать с врагом внутренним. Он решил вывести из удельных наследственных вотчин их владельцев — княжат и поселить их в отдалённых от их прежней оседлости местах, там, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий; на место же выселенной знати он селил служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин».

С.Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ (советский историк):

«На первый взгляд, между требованием царя неограниченной власти и учреждением Опричного двора нет никакой связи. Летописец не находил нужным разъяснять этот вопрос, так как для современников было ясно, что упразднить разом все старые обычаи и произвести переворот можно было, только опираясь на физическую силу, стоящую вне старого Государева двора.

Намеревался ли царь Иван действительно отказаться от власти, сказать невозможно. Во всяком случае, когда он дал согласие остаться царём всего государства на условии учреж-

дения для него особого двора, то оказалось совершенно необычное положение. Удел обыкновенно получал младший представитель великокняжеского дома и, получив удел, становился в подчинённое положение к великому князю. Теперь царь, оставаясь государем всего государства, одновременно становился хозяином удела». <...> Итак, после учреждения Опричного двора царь остался государем всего государства с прежними органами центрального управления и одновременно на правах удельного князя стал хозяином части государства, выделенной в ведение Опричного двора. <...>

В учреждении опричнины многое казалось историкам непонятным именно потому, что они считали её направленной против княжат и боярства, т.е. верхнего слоя Государева двора. В годы, предшествовавшие учреждению Опричного двора, царь пытался удалить из старого двора неугодных ему людей, но в результате борьбы с [отдельными] лицами восстановил против себя старый Государев двор в целом. Выход из положения он нашёл в том, чтобы выйти из старого двора и устроить себе новый, «особный» двор, в котором он рассчитывал быть полным хозяином.

Так как уничтожить старый двор, сложившийся веками, и обойтись без него в управлении государством не было возможности, то царь предложил ему существовать по-старому, а параллельно ему устроили Опричный двор. И всю дальнейшую историю Опричного двора следует рассматривать в свете одновременного и параллельного существования двух дворов — старого и «опричного». На деле Опричный двор получил зна-

чение базы для борьбы царя со старым двором, и этим объясняется то, что современники видели в учреждении Опричного двора разделение государства, «аки секирою, наполю» и натравливание одной части населения на другую.

Каковы бы ни были первоначальные замыслы царя, на практике существование двух дворов вызвало такие последствия, которых царь, несомненно, не предвидел и не желал. В этом обстоятельстве, как мне кажется, лежит причина, по которой Платонов и другие историки не могли правильно понять указ об опричнине, известный нам в пересказе летописца».

Я.С. ЛУРЬЕ (советский историк):

«Своеобразие идеологической позиции Ивана Грозного в том именно и заключалось, что идея нового государства, воплощающего правую веру, «изрушившуюся» во всём остальном мире, начисто освобождалась у него от прежних вольнодумных и социально-реформаторских черт и становилась официальной идеологией уже существующего «православного истинного христианского самодержавства». Главной задачей становились поэтому не реформы в государстве, а защита его от всех антигосударственных сил, которые «растлевают» страну «нестроением и междоусобными браньми». Разделяя пересветовскую враждебность к «вельможам», царь делал отсюда один важный вывод: негодных и «изменных» бояр должны были сменить новые люди».

А.Г. КУЗЬМИН (советский историк):

«Ливонская война началась до опричнины и закончилась после её

крушения. Между тем они были тесно связаны в различных отношениях. Они были порождены одними и теми же причинами — явным расколом царя со своими ближайшими советниками и стремлением его к безграничной власти. Именно поражения на фронтах Ливонии побудили царя окончательно отказаться от земского строя и придумать для себя «опричнину». Введение же опричнины в конечном счёте привело к поражению России в Ливонской войне».

А.Л. ЮРГАНОВ (современный историк):

«Анализ смысловых структур средневекового сознания показывает, что опричнина в восприятии Ивана Грозного была синкретическим явлением: не столько политического, сколько религиозного характера. Люди XVI в. не различали эти две сферы: «политика» для них — осуществление христианских задач и целей. Не случайно слова «политика», «политический» появляются в русском языке только в самом конце XVII в. Христиане воспринимают апокалиптические образы в символическом смысле. «Буквальная картина — плоскостна, не имеет мифического рельефа, не овеяна пророческим трепетом, не уходит своими корнями в непознаваемую бездну и мглу судеб Божиих». А потому — звёзды будут падать на землю и саранча будет величиною с коня и т.д. и т.п.: этот символический смысл не был для людей средневековья голым знанием.

Опричнина — своеобразная мистерия веры, образ будущего на земной тверди. Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным судом. Царь добивался полновластия как

исполнитель воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного «благочестия» не только во спасение собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть. И только в последние годы жизни царь стал каяться, возможно, осознавая, что прельстился. Завещание 1579 г. отразило духовный кризис. Идеи, которая бы вдохновила его, не было, оставалось одно: ждать Суда Христова».

С.В. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ (современный историк):

«Иван Грозный стремился распространить на мирскую жизнь идеал жизни монашеской, собираясь решать мирские проблемы методами монашеского подвижничества, и, прежде всего, методом «истязания плоти».

Создаётся впечатление, что, считая себя воплощением Божественного Замысла на земле, Иван Грозный внутренне уверился и в том, что он имеет полное и несомненное право относиться к собственному государству и к собственному народу, как к телу, которое необходимо истязать, подвергать всяческим мучениям, ибо только тогда откроются пути к вечному блаженству. И только пройдя через страх Божий в его самом непосредственном, телесном выраже-

нии, Российское государство, ведомое своим государем-иноком, придёт к «истине и свету».

Вот и должен он вести святую войну против всех врагов правой веры, и прежде всего против бояр-злобесников, посягающих на его Богом данную власть. Поэтому казни и преследования, совершаемые государем, вовсе не плод его большой воспалённой фантазии, не следствие самодурства и нравственной распущенности. Это — совершенно сознательная борьба с изменниками Богу, с теми, кем овладел бес, кто предал истинную веру. Иван Грозный, карая измену, последовательно и целенаправленно отсекал от «плоти» Русского государства всё греховное.

И разделение государства на две части — земщину и опричнину — объясняется помимо всего прочего ещё и тем, что земщина представляет собой часть «плоти» единой Русской земли, которую государь подверг жесточайшему истязанию, дабы проучить врагов православия и поселить в их душах страх Божий. Потому и войско опричное изначально строилось по принципу военно-монашеского ордена, главой которого является сам царь, исполнявший обязанности игумена».